

УДК 323.2

<https://doi.org/10.33619/2414-2948/122/42>

ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ СОЦИАЛЬНО ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

©Закиров А. Р., Уфимский университет науки и технологий,
г. Уфа, Россия, z4matz@yandex.ru

©Фаизова Л. Р., Уфимский университет науки и технологий,
г. Уфа, Россия, laisan.2002@mail.ru

CONCEPT AND ESSENCE OF SOCIO-POLITICAL CULTURE FROM A SOCIO-PHILOSOPHICAL PERSPECTIVE

©Zakirov A., Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, z4matz@yandex.ru

©Faizova L., Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, laisan.2002@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется понятие социально-политической культуры через призму социально-философского анализа. Цель работы — преодолеть фрагментарность междисциплинарных исследований, предложив целостное видение данного феномена как системы исторически сложившихся ценностно-нормативных, когнитивных и поведенческих паттернов, определяющих характер взаимодействия общества и политической системы. Особое внимание уделяется содержательному наполнению концепта, включающему в себя ценностно-идеологическую матрицу, социально-политические практики и институциональные формы. Доказывается, что именно социально-философский подход позволяет выявить глубинные мировоззренческие основания и антропологические предпосылки политического поведения, раскрывая социально-политическую культуру как фундаментальный фактор устойчивости и изменчивости общественного устройства.

Abstract. The article examines the concept of socio-political culture through the lens of social-philosophical analysis. The aim of the work is to overcome the fragmentation of interdisciplinary research by proposing a holistic vision of this phenomenon as a system of historically established axiological-normative, cognitive, and behavioral patterns that determine the nature of the interaction between society and the political system. Special attention is paid to the conceptual content, which includes the axiological-ideological matrix, socio-political practices, and institutional forms. It is argued that the social-philosophical approach is precisely what allows for the identification of the profound worldview foundations and anthropological prerequisites of political behavior, revealing socio-political culture as a fundamental factor in the stability and variability of the social order.

Ключевые слова: социально-политическая культура, социальная философия, ценности, социальные практики, политические институты, общество и власть, мировоззренческие основания, политическое поведение, общественное устройство.

Keywords: socio-political culture, social philosophy, values, social practices, political institutions, society and power, worldview foundations, political behavior, social order.

Феномен социально-политической культуры, находящийся на стыке коллективного сознания, социального действия и институционального дизайна, является ключевым для понимания механизмов воспроизводства и трансформации общественных порядков. В

современном научном дискурсе, однако, наблюдается своеобразный концептуальный разрыв: с одной стороны, понятие «политической культуры», глубоко разработанное в политологии, фокусируется преимущественно на установках и ориентациях индивидов по отношению к политической системе [1].

С другой стороны, социологический анализ «социальной культуры» часто абстрагируется от специфически властных и политических измерений социальности. В результате целостный феномен, в котором ценности, практики и институты сплетены в единый комплекс, регулирующий отношения «общество — власть», оказывается расчлененным между дисциплинами. Преодоление этой фрагментации требует обращения к методологическому аппарату социальной философии, способной задать онтологические и аксиологические основания для интегративного исследования. В российской науке интерес к проблематике политической культуры сформировался в 1970-80-е годы и был связан, прежде всего, с критическим анализом западных концепций [2, 3].

В постсоветский период произошла значительная дифференциация подходов: от изучения исторических типов политической культуры России до прикладного измерения электорального поведения [4].

Однако, как справедливо отмечает Н. С. Розов, многие исследования носят «промежуточный» характер, не поднимаясь до уровня социально-философского обобщения, которое позволило бы связать ментальные структуры с цивилизационными механизмами [5].

Социально-философская рефлексия оснований политического, активно развивающаяся в трудах К. Х. Момджяна, В. Г. Федотовой, А. А. Гусейнова, создает необходимый метатеоретический фундамент [6, 7].

В частности, категории «социальная деятельность», «общественные отношения», «власть» и «ценность», разработанные в рамках деятельностного подхода, позволяют рассматривать социально-политическую культуру не как набор статичных аттитудов, а как динамическую систему опредмечивания и распредмечивания коллективных смыслов в пространстве публичного взаимодействия. Работы В. В. Ильина, акцентирующие роль идеологических и мировоззренческих структур в конституировании политической реальности, также являются важной теоретической основой для нашего исследования [8].

Таким образом, в системном социально-философском синтезе, предлагающем рассматривать социально-политическую культуру в качестве интегральной системы, опосредующей взаимопереход коллективного сознания, социального действия и институционального порядка в сфере отношений власти и общества.

Классическое определение Г. Алмонда и С. Вербы, трактующее политическую культуру как «совокупность ориентаций относительно политических объектов», задало на decades вперед психологизирующий и индивидуалистический вектор её исследования [1].

Несмотря на свою операциональную полезность для эмпирических исследований, данный подход был подвергнут обоснованной критике за статичность и отрыв от широкого социального контекста. Как отмечает российский исследователь Е. Б. Шестопал, такой взгляд «упускает из виду символические, ритуальные и дискурсивные аспекты политики, которые являются не менее важными, чем индивидуальные установки» [9].

В отечественной литературе предпринимались попытки преодолеть эту ограниченность. Так, К. С. Гаджиев определяет политическую культуру шире — как «исторически сложившиеся, относительно устойчивые политические представления, убеждения и ориентации, а также обусловленные ими модели и нормы политического поведения...» [3].

Это определение уже включает в себя поведенческий компонент, но всё же оставляет в тени институциональное измерение — ту самую «кристаллизованную» форму, в которой

культура приобретает устойчивость и принудительную силу. Социологический подход, представленный в работах П. Штомпки, смещает акцент на практики и доверие как основу социального капитала [10].

Однако при этом политическое зачастую растворяется в социальном, а вопрос о специфике властных отношений и их культурном обосновании уходит на второй план. Возникает теоретическая потребность в понятии, которое: интегрировало бы когнитивно-ценностный слой (что мыслят и во что верят), описало бы слой практический (что и как делают), объяснило бы их связь со слоем институциональным (в какие устойчивые формы это воплощено). Именно эту задачу призвано решить понятие «социально-политическая культура», рассматриваемое в социально-философской перспективе. Его центральная гипотеза состоит в том, что политическое не существует вне социального как своей питательной среды, а социальное, в свою очередь, всегда структурировано отношениями власти и авторитета, то есть имманентно политично. Культура в этом контексте выступает медиатором этой диалектической связи. Выстроенная социально-философская модель социально-политической культуры, интегрирующая ценностную матрицу, практики и институты, позволяет перейти от статического описания к анализу её ключевых динамических функций в общественной жизни. Важнейшими из них являются обеспечение легитимности (стабильности) политического порядка и формирование потенциала для его трансформации. Данный раздел призван продемонстрировать эвристическую силу предложенного подхода, раскрывая диалектику устойчивости и изменчивости, которая пронизывает социально-политическую культуру как живую, исторически развивающуюся систему. Анализ будет осуществлен через призму взаимодействия её трех компонентов. Классическая политическая наука, восходящая к М. Веберу, рассматривает легитимность преимущественно как веру в правомерность власти и её институтов [11].

Однако социально-философский ракурс позволяет углубить это понимание, раскрыв саму эту веру как продукт сложного культурного процесса. Легитимность предстает не как разовая данность, а как постоянный и contested процесс культурного производства, воспроизводства и оспаривания значений, в котором задействованы все три элемента социально-политической культуры.

Ценностно-идеологическая матрица выполняет функцию смыслового фундамента, задавая «символический универсум», в рамках которого конкретные институты и действия власти обретают (или теряют) значения «справедливого», «традиционного», «прогрессивного», «нашего». Как отмечает В. А. Ачкасов, легитимация всегда есть «символическое конструирование социальной реальности», опирающееся на архетипические культурные коды и нарративы [12].

Например, институт сильной государственности в российском контексте легитимируется не только рационально-прагматическими доводами, но и через постоянную апелляцию к исторически укорененным ценностным комплексам соборности, державности и патернализма, которые являются частью глубинной ценностной матрицы. Социально-политические практики выступают операциональным уровнем, каналом, через который абстрактные ценности и идеологические конструкции материализуются в повседневных взаимодействиях граждан между собой и с институтами власти. Ритуалы выборов, публичные слушания, судебные процессы, митинги, обращение в СМИ, а также, напротив, практики уклонения от формального взаимодействия с государством (например, поиск неформальных «обходных путей» или патерналистское ожидание инициативы «сверху») — все они являются инструментами ежедневного подтверждения, корректировки или подрыва легитимности. Через эти практики индивиды не просто следуют правилам, но и активно интерпретируют и

переопределяют их. Исследование О. Ю. Малиновой о символической политике ярко демонстрирует, как борьба за интерпретацию и присвоение ключевых понятий («демократия», «патриотизм», «справедливость») в публичном пространстве является центральной легитимирующей/делегитимирующей практикой [13].

Н. Н. Федотова справедливо подчеркивает, что именно через повторяющиеся практики происходит трансляция и закрепление культурных норм [14].

Институциональные формы объективируют, кристаллизуют и закрепляют результаты этого непрерывного процесса, придавая ему устойчивость и предсказуемость. Они представляют собой «застывшую» или «овеществленную» культуру, структурирующую поле социально-политических возможностей и ограничений. Однако институты не являются раз и навсегда заданными монолитами. Их стабильность и эффективность напрямую зависят от того, насколько успешно они «подпитываются» соответствующими, санкционирующими их практиками и разделяемыми ценностными смыслами. М. В. Ильин и Б. И. Коваль, анализируя взаимосвязь культуры и порядка, указывают на необходимость соответствия между формальными институтами и неформальными культурными нормами [15].

Кризис легитимности, с позиции нашей модели, можно описать как ситуацию глубокого и нарастающего рассогласования (диссонанса) между этими тремя уровнями: когда формальные институты (например, либерально-демократические) перестают «резонировать» с преобладающими повседневными практиками (ориентированными на клиентализм, патронаж) и глубинными ценностными ориентациями (коллективистскими, этатистскими, эгалитарными). Если функция легитимации связана с поддержанием системной устойчивости, то способность к трансформации раскрывает динамическую, адаптивную природу социально-политической культуры. Анализ трансформационных процессов через предложенную триаду позволяет преодолеть упрощенные представления о культуре как о «барьере на пути изменений» и увидеть в ней внутренний источник и специфический механизм общественной динамики. Трансформация начинается не с формальной смены институтов, а с подвижек в ценностно-идеологической матрице и возникновения новых практик. Новые идеи, заимствованные или рожденные в результате внутреннего развития, социальные теории, философские концепции, как отмечал Б. Г. Капустин, сама политическая теория является формой осмысления современности [16].

Постепенно эродировать старые смысловые основания. Параллельно, часто в латентной форме, возникают и апробируются новые социально-политические практики – солидарные действия, формы самоорганизации, дискурсивные стратегии, – которые пока не имеют институционального оформления, но уже предлагают альтернативные модели взаимодействия. На следующем этапе эти новые ценностные ориентации и устоявшиеся практики вступают в конфликт с существующими институциональными формами, которые более не способны их адекватно регулировать или инкорпорировать. Возникает «напряжение» в системе. Разрешение этого напряжения может идти по пути институциональной инновации – создания новых или кардинальной модификации старых институтов с целью приведения их в соответствие с изменившимися культурными реалиями. Именно так возникали исторически многие политические институты современности.

Таким образом, социально-политическая культура выступает здесь как среда и медиум изменений. Она задает не только границы возможного, но и язык, формы и траектории трансформации. Революционные сдвиги, с этой точки зрения, представляют собой не просто институциональный коллапс, а ситуацию тотального разрыва между всеми тремя компонентами, когда старая матрица ценностей дискредитирована, старые институты не работают, а новые практики носят хаотичный и конфликтный характер. Эволюционные же

изменения происходят через более плавное и непрерывное взаимное приспособление ценностей, практик и институтов. Интегративная социально-философская модель социально-политической культуры, рассматривающая её как единство ценностно-идеологической матрицы, социально-политических практик и институциональных форм, предоставляет мощный аналитический инструмент. Она позволяет:

Анализировать легитимность как комплексный, многоуровневый и процессуальный феномен, укорененный в историческом контексте и повседневных взаимодействиях, а не как простую «веру в законность».

Объяснять механизмы общественной трансформации, выявляя диалектическую связь между изменениями в сознании, поведении и институциональных структурах, и преодолевая разрыв между культурологическим и институциональным подходами.

Проводить сравнительные исследования, выявляя, почему схожие формальные институты в разных культурных контекстах приводят к различным социально-политическим результатам и обладают разной степенью устойчивости.

Данный подход подтверждает, что социально-политическая культура является не фоном, а активным, структурирующим началом политической жизни, фундаментальным фактором, обуславливающим как устойчивость, так и изменчивость общественного устройства.

Список литературы:

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура. Политические установки и демократии пяти наций // Антология мировой политической мысли. М.: Мысль, 1997. С. 593–609.
2. Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. М.: Мысль, 1985. 384 с.
3. Гаджиев К. С. Политология. М.: Юрайт, 2011. 468 с.
4. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 1: От прошлого к будущему. М.: Философское общество СССР, 1991. 318 с.
5. Розов Н. С. Структура цивилизации и тенденции мирового развития. М.: Проспект, 2019. 376 с.
6. Момджян К. Х. Социум. Общество. История. М.: Наука, 1994. 239 с.
7. Федотова В. Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 544 с.
8. Ильин В. В. Политология. М., 2001. 716 с.
9. Шестопап Е. Б. Политическая психология: учебник для вузов. М.: ИНФРА-М, 2002. 448 с.
10. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2005. 664 с.
11. Вебер М. Легитимность и легальность. М.: Прогресс, 1990. С. 644–706.
12. Ачкасов В. А. «Рецидивизирующая модернизация» в России: вызовы политической теории // Политические исследования (Полис). 2011. №3. С. 73–87.
13. Малинова О. Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Общественные науки и современность. 2010. №2. С. 38–53.
14. Ильин М. В., Коваль Б. И. Две стороны одной медали: гражданская культура и политический порядок // Политические исследования (Полис). 1992. №1-2. С. 193–201.
15. Федотова Н. Н. Социально-политические практики как механизм трансляции культуры // Вопросы философии. 2016. №12. С. 35–45.
16. Капустин Б. Г. Современность как предмет политической теории. М., 1998. 308 с.

References:

1. Almond, G., & Verba, S. (1997). Grazhdanskaya kul'tura. Politicheskie ustanovki i demokratii pyati natsii // Antologiya mirovoi politicheskoi mysli. Moscow, 593–609. (in Russian).
2. Burlatskii, F. M., & Galkin, A. A. (1985). Sovremennyi Levafan: Ocherki politicheskoi sotsiologii kapitalizma. Moscow. (in Russian).
3. Gadzhiev, K. S. (2011). Politologiya. Moscow. (in Russian).
4. Akhiezer, A. S. (1991). Rossiya: kritika istoricheskogo opyta. T. 1: Ot proshlogo k budushchemu. Moscow. (in Russian).
5. Rozov, N. S. (2019). Struktura tsivilizatsii i tendentsii mirovogo razvitiya. Moscow. (in Russian).
6. Momdzhyan, K. Kh. (1994). Sotsium. Obshchestvo. Istoriya. Moscow. (in Russian).
7. Fedotova, V. G. (2005). Khoroshee obshchestvo. Moscow. (in Russian).
8. Il'in, V. V. (2001). Politologiya. Moscow. (in Russian).
9. Shestopal, E. B. (2002). Politicheskaya psikhologiya: uchebnik dlya vuzov. Moscow. (in Russian).
10. Shtompka, P. (2005). Sotsiologiya. Analiz sovremennogo obshchestva. Moscow. (in Russian).
11. Veber M. (1990). Legitimnost' i legal'nost'. Moscow, 644–706. (in Russian).
12. Achkasov, V. A. (2011). “Retsidiviruyushchaya modernizatsiya” v Rossii: vyzovy politicheskoi teorii. *Politicheskie issledovaniya (Polis)*, (3), 73–87. (in Russian).
13. Malinova, O. Yu. (2010). Simvolicheskaya politika i konstruirovaniye makropoliticheskoi identichnosti v postsovetsskoi Rossii. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, (2), 38–53. (in Russian).
14. Il'in, M. V., & Koval', B. I. (1992). Dve storony odnoi medali: grazhdanskaya kul'tura i politicheskii poryadok. *Politicheskie issledovaniya (Polis)*, (1-2), 193–201. (in Russian).
15. Fedotova, N. N. (2016). Sotsial'no-politicheskie praktiki kak mekhanizm translyatsii kul'tury. *Voprosy filosofii*, (12), 35-45. (in Russian).
16. Kapustin, B. G. (1998). Sovremennost' kak predmet politicheskoi teorii. Moscow. (in Russian).

Поступила в редакцию
17.12.2025 г.

Принята к публикации
207.12.2025 г.

Ссылка для цитирования:

Закиров А. Р., Фаизова Л. Р. Понятие и содержание социально политической культуры в социально-философской перспективе // Бюллетень науки и практики. 2026. Т. 12. №1. С. 355-360. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/122/42>

Cite as (APA):

Zakirov, A., & Faizova, L. (2026). Concept and Essence of Socio-Political Culture from a Socio-Philosophical Perspective. *Bulletin of Science and Practice*, 12(1), 355-360. (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/122/42>